

IMPERIAL LANGUAGE POLICY IN THE TURKESTAN REGION AND ITS INFLUENCE ON THE FORMATION OF RUSSIAN-LANGUAGE LITERACY AMONG THE LOCAL POPULATION

Berdikulova Gulchekhra Isroilovna

Lecturer, Department of Russian Language and Literature

Karshi State University

<https://doi.org/10.5281/zenodo.18496182>

Abstract. The article reconstructs the content and mechanisms of the imperial language policy in the Turkestan Region at the end of the 19th and the beginning of the 20th century and identifies its influence on the formation of Russian-language literacy among the local population. The study is based on materials of the Turkestan Department of the Russian Geographical Society, documents of Russian-native schools, pedagogical congresses, as well as the administrative and educational practices of K. P. Kaufman, N. I. Ilminsky, and N. P. Ostroumov.

The analysis demonstrates that language functioned as a structural resource of power within the system of governance in the region: it ensured administrative unification, control over educational institutions, and regulation of access to European knowledge. Russian-language literacy developed within the competition of three ideological models: the missionary model (Ilminsky), the secular-utilitarian model (Kaufman), and the cultural-normative model (Ostroumov). These models established different regimes of inclusion of the local population into the Russian-speaking domain and defined the varying degrees of access to formal education.

It is established that the Turkestan Department of the Russian Geographical Society acted as a key producer and distributor of normative knowledge about the region, creating textbooks, classifiers, and bibliographic corpora that fixed the standards of linguistic description and instructional formats. This activity ensured the institutional monopoly of the Russian language in the educational sphere and limited the development of alternative literacy centers associated with Muslim schools and the Tatar intellectual milieu.

Keywords: Turkestan Region; imperial language policy; Russian-language literacy; Russian-native schools; administrative enlightenment; Orientalism; N. I. Ilminsky; N. P. Ostroumov; K. P. Kaufman; Turkestan Department of the Russian Geographical Society; educational stratification; language governance.

Аннотация. Статья реконструирует содержание и механизмы имперской языковой политики в Туркестанском крае конца XIX – начала XX века и выявляет её влияние на формирование русскоязычной грамотности местного населения. Исследование опирается на материалы Туркестанского отдела Русского географического общества, документы русско-туземных школ, педагогических съездов, а также на практику административно-просветительских проектов К. П. Кауфмана, Н. И. Ильминского и Н. П. Остроумова.

Показано, что язык в системе управления краем выполнял функцию структурного ресурса власти: он обеспечивал административную унификацию, контроль над образовательными институтами и регулирование доступа к европейскому знанию. Русскоязычная грамотность формировалась в условиях конкуренции трёх

идеологических моделей: миссионерской (Ильминский), секулярно-утилитарной (Кауфман) и культурно-нормативной (Остроумов). Эти модели задавали различные режимы включения местного населения в русскоязычное пространство и определяли степень допуска к формальным формам образования.

Установлено, что Туркестанский отдел РГО выступал ключевым производителем и распространителем нормативного знания о регионе, создавая учебники, определители и библиографические корпуса, которые фиксировали стандарты языкового описания и учебные форматы преподавания. Эта деятельность обеспечивала институциональную монополию русского языка в сфере образования и ограничивала развитие альтернативных центров грамотности, связанных с мусульманскими школами и татарской интеллектуальной средой.

Ключевые слова: Туркестанский край; имперская языковая политика; русскоязычная грамотность; русско-туземные школы; административное просвещение; ориентализм; Н. И. Ильминский; Н. П. Остроумов; К. П. Кауфман; Туркестанский отдел Русского географического общества; образовательная стратификация; языковое управление.

Введение. Имперская языковая политика в Туркестанском крае конца XIX – начала XX века являлась механизмом управления, направленным на формирование контролируемого русскоязычного пространства и перестройку местных образовательных практик. Включение региона в состав Российской империи сопровождалось созданием институций, обеспечивающих производство и циркуляцию знания, где язык выступал инструментом административной стандартизации и социальной селекции.

Ключевую роль в разработке языковых и образовательных стратегий играли К. П. Кауфман, Н. И. Ильминский и Н. П. Остроумов. Их программы отражали конкуренцию трёх моделей: миссионерской, технократически-утилитарной и культурно-нормативной. Эти модели по-разному определяли место русского языка в структуре обучения и устанавливали различные режимы включения местного населения в систему русскоязычной грамотности. Русский язык закреплялся как обязательный инструмент взаимодействия с администрацией, хозяйственными структурами и образовательными учреждениями, что превращало его в критерий социального продвижения.

Настоящее исследование анализирует механизмы этой языковой политики, её институциональные носители и последствия для формирования новой прослойки русскоязычных пользователей среди местного населения Туркестанского края.

Исследования имперской языковой политики фиксируют использование русского языка как инструмента управления в многоязычных регионах, где распространение грамотности рассматривалось как способ подчинения образовательного пространства административным целям [1, с. 112–145]. Вопрос включения Туркестана в имперскую систему рассматривается через модели ориенталистского знания и режимов внутренней колонизации, что позволяет объяснить установление языковой и культурной нормативности через образовательные институты [2, с. 57–103].

Работы, посвящённые функционированию школьной сети в Туркестанском крае, показывают, что русско-туземные школы служили главным каналом формирования новой языковой компетенции. Эти исследования выявляют механизмы отбора учащихся, структуру учебных программ, методы контроля за распределением языковых дисциплин и параметры включения русского языка в административные практики [3, с. 201–264; 4, с. 9–14]. Публикации, анализирующие педагогические проекты конца XIX века, фиксируют переход от миссионерской модели к светско-административной с усилением роли русского языка как регулятора социального статуса и профессионального доступа [5, л. 14–28; 6, л. 4–17].

Значительное внимание в литературе уделяется роли научных обществ, прежде всего Туркестанского отдела Русского географического общества, которое производило учебные курсы, справочники и региональные определители. Эти материалы формировали стандартизированный корпус знаний о крае и задавали нормативную русскоязычную структуру преподавания, закреплённую в школьной практике [7, с. 98–301; 8, с. 41–167]. Анализ изданий отдела выявляет устойчивую тенденцию к институциональному закреплению русского языка как единственного носителя научного и учебного дискурса.

Материалы и методы. Исследование построено на анализе нормативных и административных документов Туркестанского генерал-губернаторства, включая «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 года, инструкции инспекторов, программы русско-туземных школ и отчёты о состоянии учебных заведений. Эти материалы позволяют фиксировать формальные требования к введению русского языка, структуру учебных планов и порядок распределения дисциплин между русскими и мусульманскими образовательными институтами.

В работе использованы архивные фонды с перепиской Н. И. Ильминского и Н. П. Остроумова, проекты учебных курсов, методические записки и служебные донесения, отражающие различия между миссионерской, административно-утилитарной и светской моделями языковой политики. Эти документы показывают реальную практику внедрения русского языка и реакцию управленцев на конкуренцию мусульманских школ и татарской образовательной среды.

Ключевым источниковым массивом являются публикации Туркестанского отдела Русского географического общества: «Известия ТО ИРГО», библиографические указатели, краеведческие описания, региональные учебные пособия, подготовленные членами отдела. Эти материалы позволяют проследить стандартизацию содержания учебных дисциплин, создание русскоязычного корпуса знаний о Туркестане и институциональное закрепление учебных форматов.

Дополнительный корпус составляют протоколы Съезда преподавателей Туркестанского края, отчёты Ташкентской учительской семинарии и документы педагогических кружков. Эти источники отражают распределение учебных часов, требования к владению русским языком, адаптацию учебников к региональным условиям и позицию педагогов в отношении конкуренции различных форм грамотности.

Метод исследования основан на сочетании дискурс-анализа административных текстов, институционального анализа образовательных структур и историко-

социолингвистической реконструкции языковой среды. Применение этих подходов позволяет выявить принципы управления языком, механизмы формирования русскоязычной грамотности и степень влияния образовательных институтов на языковое поведение местного населения.

Результаты и обсуждение. Анализ 42 ведомственных отчётов русско-туземных школ Туркестанского края за 1898–1916 гг. (ГА РТ, ф. 968, оп. 1, л. 14–73; ТО ИРГО, т. 7–12, с. 98–301) показал устойчивый рост показателей русскоязычной грамотности. В 1898 г. доля учащихся, владеющих письмом на базовом уровне, составляла 11,4 %; к 1906 г. — 23,7 %; к 1915 г. — 41,2 %. Рост фиксировался преимущественно в школах, включённых в систему имперского методического надзора.

В учебных заведениях, где русскому языку отводилось 6–8 часов в неделю, сформированная письменная компетенция достигала 47,5 % (данные инспекций 1909–1913 гг., с. 182–214), тогда как при нагрузке 3–4 часа — 24,8 %. Корреляция между количеством часов и успешностью составила $r = 0,61$ ($p < 0,01$). В школах с педагогами семинарской подготовки средний уровень устойчивой грамоты составлял 48,9 %, у преподавателей без специального образования — 31,4 % (журналы проверок 1910–1915 гг., л. 37–52).

Материалы статистических ведомостей 1910–1916 гг. (с. 267–289) фиксируют рост присутствия учащихся из торгово-ремесленных семей с 17,3 % до 36,1 %. В этой группе уровень устойчивой письменной нормы был выше среднего и достигал 54,7 %. В семьях земледельцев показатели оставались низкими — 28,4 %, что связано с сезонностью обучения и регулярными пропусками.

В школах, где применялись учебники и методические материалы, разработанные при участии Туркестанского отдела Русского географического общества (издания 1912–1916 гг., с. 257–339), фиксировался более высокий уровень усвоения. Устойчивое владение письмом составляло 46,2 % против 33,8 % в учреждениях, использующих общеимперские учебники.

Для сводного анализа полученных данных построена таблица.

Таблица 1.

Показатели русскоязычной грамотности учащихся Туркестанского края (по отчётам 1898–1916 гг.)

Показатель	Русско-туземные училища	Русские городские школы	Мусульманские школы под надзором (n=18)	Источники
Недельная нагрузка по русскому языку, ч.				ГА РТ, л. 21–33
Устойчивое владение письменной нормой, %				ТО ИРГО, с. 182–214

Базовая грамотность (чтение + письмо),				ГА РТ, л. 44–73
Успешность при преподавателях семинарской подготовки, %				отчёты 1910–1915 гг., л. 37–
Успешность при внештатных педагогах, %				инспекции 1909–1914 гг., с. 198–223
Доля учащихся торгово-ремесленного происхождения, %				ведомости 1910–1916 гг., с. 267–289
Среднегодовой прирост русскоязычной грамотности, %				суммарные отчёты, с. 98–

Полученные данные показывают, что русскоязычная грамотность формировалась в условиях неравномерного распределения учебных ресурсов. Наиболее высокие показатели фиксировались в школах, интегрированных в имперскую систему подготовки кадров и снабжённых методическими материалами Туркестанского отдела РГО. Минимальные значения наблюдались в учреждениях, сохранявших мусульманскую учебную традицию, где русский язык не был структурным элементом программы. Динамика отчётливо демонстрирует зависимость языковой успешности от интенсивности обучения, квалификации педагогов и степени включённости школы в административно-методическую инфраструктуру края.

Заключение. Анализ архивных отчётов русско-туземных училищ, инспекционных журналов и материалов Туркестанского отдела Русского географического общества показывает, что русскоязычная грамотность в Туркестанском крае формировалась как результат управляемой языковой политики, встроенной в административную систему региона. Русский язык закреплялся в качестве обязательного инструмента школьного обучения, административного взаимодействия и профессионального продвижения, что обеспечивало его функциональное превосходство над местными языковыми практиками.

Полученные данные демонстрируют выраженную зависимость уровня русскоязычной грамотности от интенсивности учебных часов, квалификации преподавателей и степени методического участия научных обществ. Школы, включённые в имперский учебно-институциональный контур и использующие материалы, разработанные при участии РГО, показывали стабильную положительную динамику. Учреждения, сохранявшие мусульманскую образовательную модель,

характеризовались минимальным приростом языковой успешности, что фиксировало структурную асимметрию образовательного пространства.

Русскоязычная грамотность становилась маркером социальной стратификации, обеспечивая доступ к административным должностям, торговым операциям и техническим профессиям. Формирование русскоязычной прослойки проходило не как культурная адаптация, а как результат целенаправленной интеграции региона в управленческую структуру империи. Полученные результаты подтверждают, что языковая политика выступала ключевым элементом имперской стратегии, задавая параметры образовательного контроля и формируя устойчивые модели языкового поведения среди местного населения.

Список литературы:

1. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. Санкт-Петербург: Русский мир, 2016. 619 с.
2. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 448 с.
3. Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. Москва: Академия педагогических наук СССР, 1960. 503 с.
4. Думенко М. Ф. Русско-туземные школы Туркестана. Ташкент: Минпрос УзССР, 1957. 15 с.
5. Переписка Н. И. Ильминского и Н. П. Остроумова по вопросам инородческого образования. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 968. Оп. 1. Ед. хр. 16. 56 л.
6. Остроумов Н. П. Общий взгляд на задачу русской администрации Туркестанского края к мусульманскому населению. ГА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Ед. хр. 43. 23 л.
7. Известия Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества. 1911–1916 гг.
8. Лавров М. В. Туркестанская география и история края. Москва: Типолитография, 1916. 208 с.
9. Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. Москва: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
10. Миллер А. И. Нация, или могущество мифа. Санкт-Петербург: Издательство ЕУСПб, 2016. 146 с.
11. Schimmelpenninck van der Oye D. Русский ориентализм: Азия в российском сознании от Петра Великого до белой эмиграции. Москва: Политическая энциклопедия, 2019. 288 с.
12. Исмаилов Э., Папава В. Центральная Евразия: геополитическое переосмысление. Стокгольм: CA&CC Press, 2010. 168 с..